

Анн Бренон

(Рисунки Жан-Клод Пертюзе)

Крестовый поход словом

перевод Н. Дульневой

Переходя от проповедей к полемике, Римская Церковь прежде всего начала свою борьбу против еретиков словами, и даже вступила с ними в диалог, накал обмена мнениями в котором предвещал накал насилия в будущей войне. Но даже если дошедшие до нас сведения об этих дискуссиях весьма несовершенны, они все равно доказывают бесплодность усилий католических прелатов убедить жителей Средиземноморья не следовать катарской вере.

Конец XII века. Участились теологические диспуты между катарами и католиками, как, например, Гийомом, католическим епископом Альби, и Сикардом, катарским епископом Альбижуа.

К этому периоду относится знаменитый эпизод с книгой, брошенной в пламень святым Домиником.

Уже стало традицией представлять крестовый поход против альбигойцев, к которому призвал папа Иннокентий III - поход, хлынувший на Юг весной 1209 года - как грубое, но неизбежное последствие поражения. Мол, Римская Церковь протянула руку катарской ереси, послав миссию проповедников, с целью привести заблудших овец в овчарню исключительно силой убеждения, но не вышло. Действительно, группа цистерцианских легатов, которым папа доверил эту важную миссию, обошла весь Лангедок, от Тулузы до Монпелье,

между 1203 и первыми днями 1208 года. Легаты проповедовали против ереси жителям бургад и сел, имея только власть отлучать и налагать интердикт. Но иногда, во время публичных дискуссий, они вынуждены были встречаться именно со своими противниками, которых они называли ересиархами, то есть, катарскими клириками и теологами. Это была глубинная конфронтация между двумя соперничающими Церквями, но, к сожалению, мы располагаем об этом только сведениями, представляющими точку зрения хронистов крестового похода – Пьера де Во де Серне и Гийома Пьюлоранского. Фактически, это очень краткие выдержки, исходящие, к тому же, от победителей в военной схватке. В основном они посвящены восхвалению сторонников папы, хотя даже из данных источников видно, сколь малым успехом увенчалась эта попытка отвоевания душ – ведь еретики продолжали упорствовать в своих заблуждениях.

Унижение для папских легатов

Заметим прежде всего, что только исключительные политические обстоятельства привели к возможности такого «диалога» между высокопоставленными прелатами и теми, кого Иннокентий III осудил, как «законченных» еретиков, виновных в оскорблении величества Божьего. Эти *ариане, манихейцы, альбигойцы, патарены, публикане, ткачи, фифлы* или *катары* сами себя, не колеблясь, именовали *апостолами, христианами* или *добрыми людьми*, считая, что именно они представляют аутентичную Церковь Христову. Папские легаты, принужденные на равных обмениваться теологическими аргументами с этими еретиками, могли воспринимать подобное только как унижение.

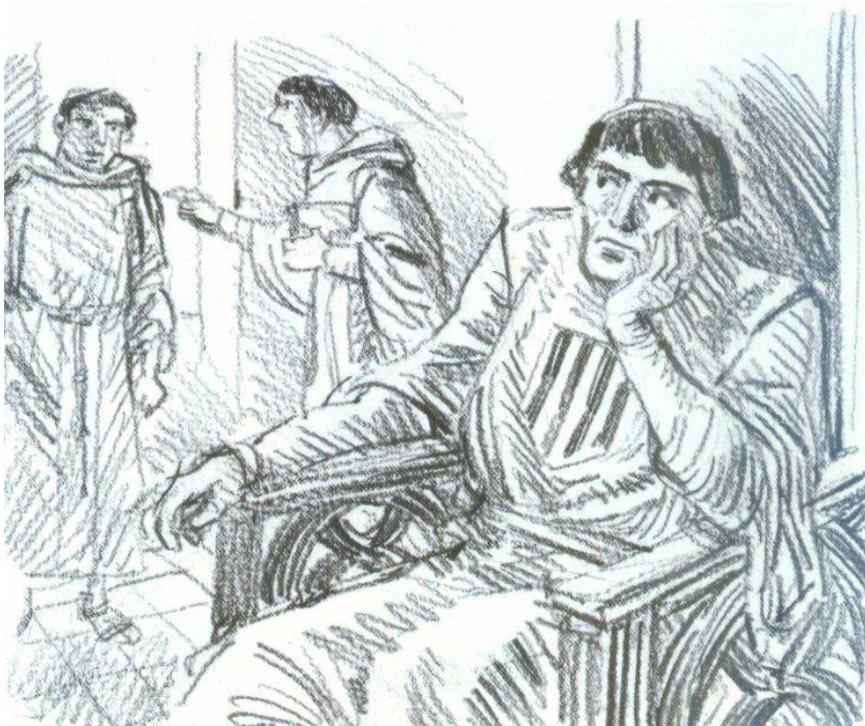
С того времени, как слово «ересь» вновь появилось на сцене в XI веке, представители «христианского порядка» встречались с еретиками, только сопровождая последних на костер, или же как с несчастными арестованными подозреваемыми, представшими перед епископскими судами. Но окситанские графы и их вассалы под конец XII столетия стали защищать

еретиков. Таким образом, церковные власти уже не могли сотрудничать с гражданскими в этом плане. Соотношение сил не давало возможности клирикам развязать репрессии. В 1145 году жители Верфей и Альби освистали и папского легата, и даже Бернара из Клерво; в Ломбере, в 1165 году еретический епископ Альбижуа свободно говорил о своей вере перед высшими духовными и гражданскими властями, не опасаясь ни ареста, ни костра.

Очевидно, и высокопоставленный клир Юга имел свои причины жить в добром соседстве с еретиками. Это Римская курия и орден Сито (цистерцианцы – *Прим.пер.*) желали обличения и абсолютного отвержения ереси, а не клир Альби и Каркассона. Так, мы видим, как в последние годы XII столетия Гийом, католический епископ Альби, дискутирует о теологии с Сикардом, катарским епископом, и обрывает спор довольно добродушным восклицанием, что его противник читает свои книги – христианские Писания – наизусть.

Но, разумеется, никакого добродушия не могло быть в общении между цистерцианскими легатами, посланными папой, и ересиархами, которых те встречали в окситанских графствах. Пьеру де Кастельно, архидиакону Магелона, и Мэтру Раулю - обоим из аббатства Фонфруад - как и самому аббату Сито Арноду Амори, всегда располагавшему большой свитой из аббатов и монахов, Иннокентием III была доверена миссия «*святой проповеди*». Они должны были убедить христианский народ оставить всякую веру в еретиков, а еще настоять на том, чтобы графы и сеньоры обратились против них: конфисковали их имущество, а затем изгнали.

Король Педро II Арагонский в 1204 году являлся одним из арбитров во время крупного диспута в Каркассоне между катарскими и католическими проповедниками.

Зимой 1203-1204 годов папские посланники пребывают в Тулузе, пытаются принудить графа дать клятву соблюдать «мир Божий» на его землях. Затем Гийом Пьюлоранский показывает нам их в Верфей, во время первой встречи с катарскими теологами, Понсом Жорданом и Арнотом Арруфатом, которым они должны были противостоять. Акт короля Педро II Арагонского позволяет датировать тем же 1204 годом крупный диспут в Каркассоне при королевском арбитраже. Обмен аргументами между спорщиками позволил будущему «проигравшему» участнику битвы при Мюре констатировать, что положения *добрых людей* существенно отличаются от римско-католических догматов, вплоть до ереси. Но самый решительный поворот в деле «*святой проповеди*» произошел в Монпелье под конец 1206 года. Деморализованные легаты устали, и даже «готовы отказаться от своей миссии, - отмечает Пьер де Во де Серне, - видя почти полную безуспешность проповедей еретикам». Именно тогда они встретились с кортежем Диего, епископа Осмы из

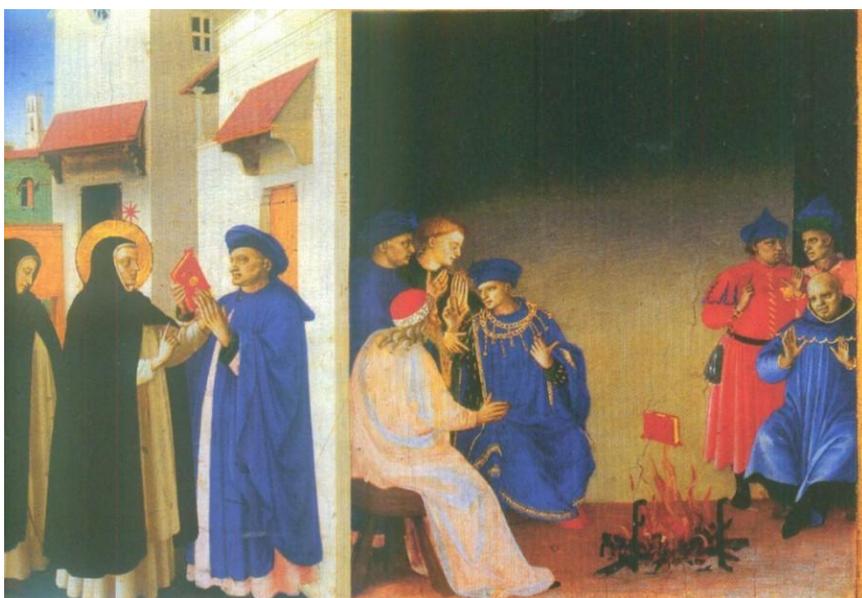
Кастилии, возвращавшимся в Рим. Испанский прелат с печалью признал поражение легатов и посоветовал им сменить методику. *«Чтобы они пришли к признанию поражения легатов и посоветовал им сменить методику. «Чтобы они пришли к состоянию полного смирения, по примеру божественного Учителя, - сообщает хронист, - чтобы они ходили пешком, без золота и серебра, во всем наследуя апостольскую проповедь»*. Ведь разве не примером апостольской жизни катары завоевали доверие христианского народа?

Епископ Осмы сам показал пример: *«Он отпустил свою свиту и экипажи, оставшись только с одним товарищем»*. С согласия папы он возглавил специальную миссию, и за ним последовали Пьер и Рауль, в то время, как аббат Сито отправился в генеральный капитул своего ордена за подкреплением. Из Монпелье проповедники добрались до еретических виконтств Тренкавеля. В Сервиане, сеньор которого, Эстев, женатый на Наварре де Лаурак, дочери *доброй женщины*, (да и сама она впоследствии стала *доброй женщиной*), был рьяным защитником катаров - состоялся публичный диспут с двумя еретическими лидерами. Один из них, Гийом Тьерри, перешел в наступление. Будучи каноником в Невере, он был еще и тайным катаром, как и многие его собратья. Во время масштабных гонений, приведших на костер одного из его дядьев, он бежал из Бургундии. На его примере мы прекрасно видим, что католический и еретический клир принадлежали к одной и той же культуре. Хронист ограничивается утверждением, что Диего и его товарищи смогли настроить население Сервиана против еретиков. Из Сервиана вся эта компания отправилась в Безье, где они проповедовали две недели. Там епископ Осмы убедил Пьера де Кастельно оставить их из страха перед реакцией толпы, *«ибо еретики более всего ненавидят»* именно его. С того времени легат посвятил свою политическую деятельность подрыву позиций графа Тулузского. Диего, Рауль и, возможно, Доминик, последовали своей дорогой в Каркассон, где они проповедовали в течение недели и, разумеется, встречали катарского епископа Каркассес, Бернара де Симорр. *Canso* – великая *Песнь об*

альбигойском крестовом походе, сложенная окситанскими стихами – сообщает о дискуссии между епископом Осмы и *cels de Bolgaria* («теми, кто из Болгарии», булграми, то есть, катарами...). Рауль тоже оставил дело проповедей и умер в июле 1207 года.

В начале осени – 2 октября 1207 года, как отмечает окситанский источник, близкий к Гийому Пьюлоранскому, и используемый протестантским историографом Николасом Винье, самая важная из дискуссий состоялась в *castrum* Монреаль, что возле Каркассона. Он принадлежал еретическому линияжу Лаурак-Рокфор. В Монреале к Диего из Осмы присоединился Пьер из Кастельно и, вместе с аббатом Сито, его дюжиной аббатов и тридцатью монахами, они «сразились» с *добрыми людьми* Арнотом Оттом, диаконом Кабардес, Гвибертом де Кастром, Старшим Сыном епископа Тулузен, жившим в Фанжу, Бенуа де Термез, будущим епископом Разес и Понсом Жорданом, который уже присутствовал на диспуте в Верфей. Мы не знаем, был ли там Доминик. Как бы там ни было, источники показывают, что победа не была присуждена никому, а тезисы той и другой стороны, изложенные письменно, так и остались у светских арбитров диспута.

Еще одно представление «чуда с огнем» - действия божественного правосудия.

Покинув Монреаль, епископ Осмы продолжил путь в свою епархию. По дороге он остановился в Памье, где в замке того самого *«подлого предателя, графа де Фуа, этого злейшего гонителя Церкви, этого врага Христова»* (Пьер де Во де Серне), совместно с епископами Кузерана и Тулузы, он множество раз дискутировал с местными еретиками: вальденсами – при этом некоторые из них обратились – а затем катарами. Но зима 1207-1208 годов стала поворотным пунктом, с которого начался путь к войне. 30 декабря епископ Диего умер в своем городе Осма, как раз в то время, как он собирался вернуться в Лангедок проповедовать. Его смерть открыла дорогу для миссий, возглавляемых самыми непримиримыми легатами, в том числе и Арнодом Амори, аббатом Сито. *«С того времени положение ужесточилось. Иннокентий III призвал к священной войне против альбигойцев. Смерть Пьера де Кастельно 15 января 1208 года послужила детонатором»* (Раймон де Форевилль).

В целом, хронисты отмечают, что еретики красиво противостояли легатам, аргументируя свои тезисы собственной апостольской жизнью, которая резко контрастировала с высокомерным поведением Римско-католического клира. Только удачное вмешательство Диего из Осмы позволило официальному клиру дать достойный ответ оппонентам путем ориентации на идеалы Евангелия. Но как насчет сути дела? Той сути, о которой спорили еретики и легаты, ведь и те, и другие были христианскими клириками, преимущественно воспитанными в одной и той же «матрице»? К сожалению, мы располагаем только отрывочными сведениями об этих дискуссиях. Пьер де Во де Серне, рассказывая о диспуте в Сервиане, передает только слова, которые Гийом Тьерри, бывший каноник Неверский, бросил епископу Осмы: *«Я знаю, какого ты духа. Воистину, это дух Илии, тот, который вошел в тебя»*. На что Диего ответил: *«Если это дух Илии вошел в меня, то в тебя – дух Антихриста»*. Этот вроде бы загадочный диалог на самом деле ясно показывает приоритет, которым у *добрых людей* пользовался Новый Завет,

«Благая Весть» Христа по отношению к Ветхому Завету. Разумеется, катары упрекали своего противника в том, что он несет с собой мораль ветхозаветных пророков, а ответить эти противники могли только риторически. Тот же хронист вкладывает в уста бывшего бургундского каноника очень характерные слова: *«Блудница [Апокалипсиса], то есть Церковь Римская, долго удерживала меня, но отныне ей меня уже не достать...»*

Диспут в Монреале является одной из самых известных теологических дискуссий, в которой участвовали представители папы Иннокентия III, изображенного на этой сохранившейся в Риме мозаике.

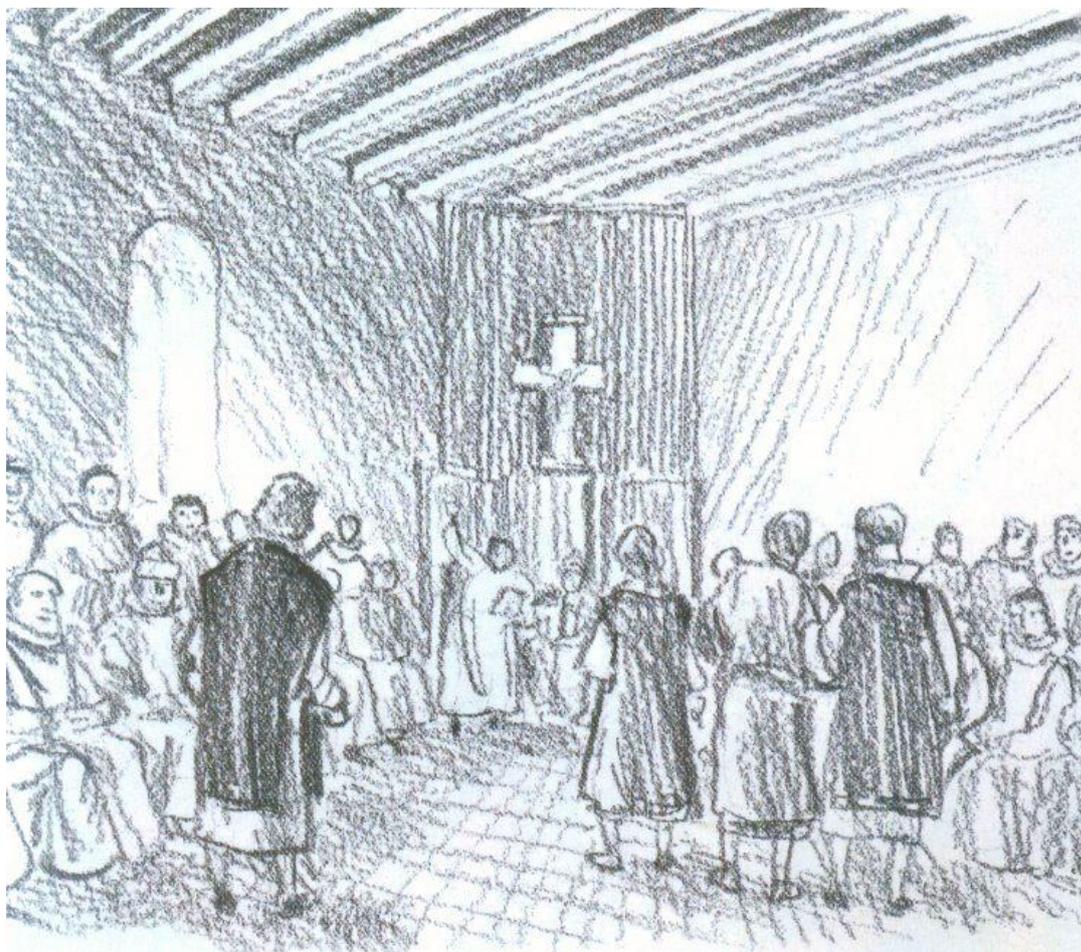

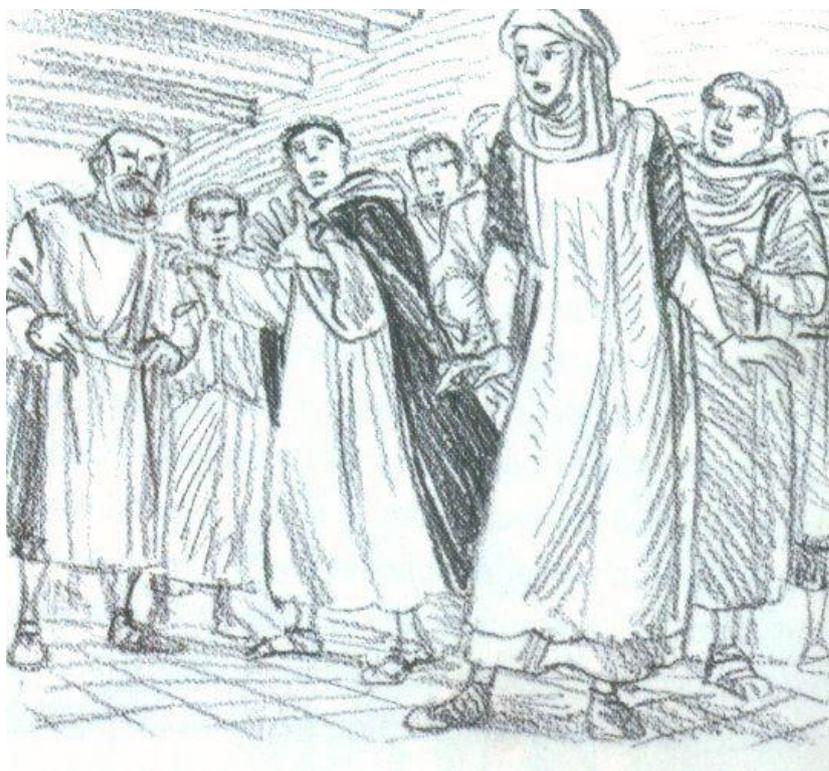

Рисунок в заглавной букве с изображением святого Бернара из Клерво, теолога Церкви.

О такой же резкой словесной дуэли – в ходе которой каждая сторона претендовала на апостольскую преемственность – говорит и сообщение о диспуте в Монреале. Его приводит и Гийом Пьюлоранский, и неизвестный окситанский автор, цитируемый Николасом Винье, примерно в таком переводе: *«Арнот От сказал, что Церковь Римская, которую защищает епископ Осмы, вовсе не является ни супругой Христовой, ни святой, но Церковью дьявола и доктриной демонов, и что именно она – тот Вавилон, который Иоанн в Откровении называет «матерью блуда и мерзостей, упоенной кровью святых и мучеников Христовых»; и что ее установления не являются ни святыми, ни благими, ни идущими от Господа Нашего Иисуса Христа, что никогда ни Христос, ни апостолы не учреждали и не определяли обряда мессы, которая служится сегодня».*

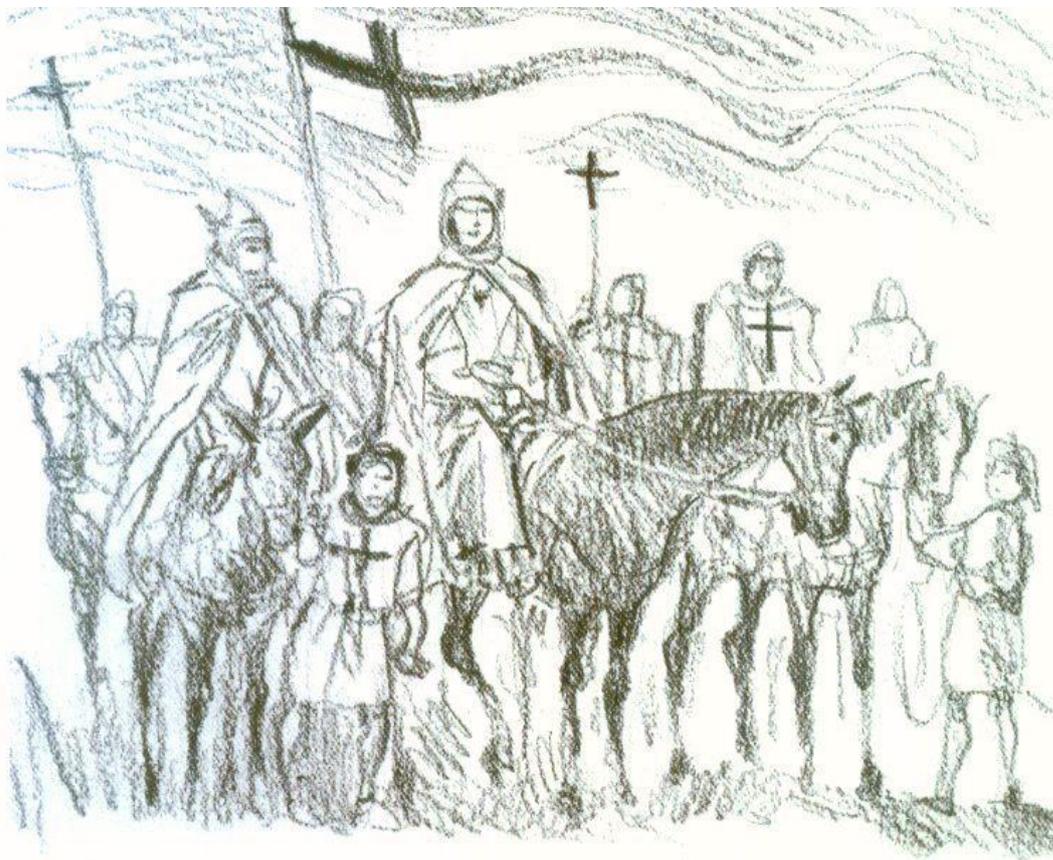
Дискуссия в Памье между епископом Осмы и еретиками

Что же ответил на это Диего из Осмы? Вся его аргументация дошла до нас только во фразе хрониста: *«Чтобы доказать обратное, епископ стал*

опираться на авторитет Нового Завета». Сдержанность, выказываемая хронистами, которые не сообщают нам, чем же закончилась дискуссия, не очень хорошо маскирует трудности, испытываемые сторонниками папы во время опровержения обоснований и аргументов еретиков. Особенно тяжело это было делать на фоне преследований еретиков в Рейнских землях, Бургундии, Шампани – преследований, весь трагизм которых крестовый поход и Инквизиция вскоре заставят испытать и Окситанию. До нас дошел под названием *Анонимный Трактат катаров* сборник авторитетных цитат новозаветных Писаний, обосновывающих христианский дуализм. Этот фрагмент текста, происходящий из Лангедока, и датируемый началом XIII столетия, возможно, служил заметками для катарского теолога, который собирался спорить с епископом Диего... Кстати, из реляций хронистов, видно, что Доминик редко появляется в контексте этих знаменитых публичных дискуссий. Это его епископа, Диего из Осмы, они показывают на первом плане, это он фактически начал католическую апостольскую контр-проповедь. Основатель ордена Братьев-Проповедников появляется на сцене намного позже, с приходом войны, как представитель и деятель институции, даже, можно сказать, аппарата. И очень симптоматично, что единственное значительное вмешательство, которое Пьер де Во Де Сернэ приписывает Доминику, - это «чудо огня» - агиографический отрывок, который, разумеется, использовали в процессе его канонизации. Эти рассказы хронистов о чудесах, созданные для того, чтобы продемонстрировать триумф Римских католиков над еретиками, - о чуде с кровоточащей травой, но особенно о чуде огня, - являются самыми неумолимыми доказательствами поражения католической проповеди. Особенно принимая во внимание то, что еретические теологи, как нам известно, не разделяли римско-католических суеверий, и не верили ни в какие чудеса такого рода. Ведь как бы там ни было, никакое чудо не отвратило войны...

После поражения «крестового похода словом» вооруженные отряды крестоносцев вторглись в «катарские земли».

Anne Brenon. La croisade de la parole. \\Pyrenees Cathares, 2008. PP. 62-69.